
НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ

Л. Берталанфи

НОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ДУШИ И ТЕЛА

Перевод Е.Г. Рудневой

Аннотация. *Философы, как правило, начинают с того, что представляют дуализм физического и духовного мира, как нечто неоспоримое. Однако, как свидетельствует психология, дело обстоит далеко не так просто. Восприятие самых тривиальных предметов — столов, стульев, домов, людей — не просто сумма ощущений или «чувственных данных», как их любят описывать философы-позитивисты; восприятие состоит из гештальта чувственных данных, плюс память, плюс формация понятий, словесные и другие символы, плюс условия подходящего использования объекта и плюс многие другие факторы. Эксперименты показывают, что даже в восприятии — когда оно сделано намеренно простым в условиях лаборатории — мотивация и ожидаемое вознаграждение модифицируют то, что воспринимается.*

Ключевые слова: *психология, тело, душа, философия, соматика, психосоматика, дуализм, интеракция, биология, опыт.*

Я приступаю к работе над этой статьёй не без чувства некоторого опасения. Уже с первой строки я предвижу возражения; они могут начинаться прямо с заголовка «Проблема души и тела». Разве это вопрос не из другой области? Разве он не принадлежит философии, её разделу о творческих искусствах?

Под сомнение легко попадает и моё обещание подойти к проблеме «с новой точки зрения»; это одна из старейших философских проблем, и она бесплодно дискутировалась самыми блестящими умами. Что можно сказать о ней «нового?» Тем более что я не могу обещать новых и до сих пор неизвестных фактов.

Таким образом, мне хорошо известны все трудности поставленной проблемы, и я не рискнул бы приняться за её решение, не имея для этого особых доводов.

В последние годы обсуждение проблемы — например, широкие дискуссии, опубликованные Хоком, или её подробное изложение в работе Фейгля — двигалось по проторенной дорожке, и результатом было всё то же перетряхивание старых идей.

Между тем, принимая во внимание, что эта проблема, далёкая от чистого теоретизирования, самым непосредственным образом касается современного психолога и психиатра, новый подход к проблеме — давно назревшая необходимость.

В пользу этого говорят три довода.

Во-первых, широкая распространённость психосоматических расстройств. Сама по себе психосоматическая болезнь не представляет ничего нового; она известна уже со времён Гиппократов. Однако в наше время вопрос о психосоматической болезни становится медицинской проблемой первостепенного значения, при этом несущественно, является ли вызывающей её причиной напряжение современной жизни или просто мы стали больше знать о таких явлениях.

«Психосоматика» — это, несомненно, проблема души и тела, выраженная в медицинских терминах. То, что язвенная болезнь появляется на почве тревог, связанных с работой, стало таким же клиническим фактом, как и вирусная природа пневмонии. Но трудно свести всё только к соматической медицине.

Второй довод можно назвать методологической беспомощностью психиатрии. Нам очень хорошо известна ограниченность современной медицины во многих вопросах — от проблемы рака до банальных жалоб вроде артрита, — но ни одна область медицинской науки так ненадёжна для терапевтического подхода как психиатрия. На памяти нашего поколения появлялись и исчезали совершенно различные подходы к лечению: психохирургия и электрошок, беседы с психотерапевтом, лекарственная терапия и многие другие. Не будет преувеличением сказать, что одни виды терапии, рациональные в основе, не привели к желаемым результатам (лоботомия), тогда как другие (электротерапия и пр.) и лекарственная психотерапия

показали некоторые положительные результаты, хотя не имели достаточного обоснования и строились на эксперименте и исправлении ошибок.

Такое положение дел не только само по себе не может нас удовлетворить, но и чревато серьезными опасностями. Речь идет не только о тривиальных случаях, таких как возможности травмирования при электротерапии, но и о более серьезных вещах, например, при лечении депрессии резерпином как побочный результат чисто эмпирического применения медикамента, который, прежде чем получил признание, вызывал серьезные осложнения вплоть до самоубийства.

Колебания психиатрии между такими крайностями, как сверление черепа с риском для наиболее важных систем организма и спокойная беседа психотерапевта с пациентом, свидетельствуют о глубоко укоренившихся несоответствиях во всей этой области медицины. Вопрос не сводится только к недостаточности знания — завтра это может быть устранено каким-то новым открытием, скажем, новым пониманием значения РНК для памяти или новой формулировкой теории инстинктов; проблема в том, что наш способ мышления, наши основные понятия и категории неадекватны. Таким образом, имеет место настоятельная необходимость пересмотра фундаментальных положений, и важная роль здесь принадлежит старой проблеме души и тела.

Третье обстоятельство, которое следует иметь в виду, может быть названо «Едгинской проблемой» современного общества. Я здесь не имею в виду тот тривиальный аспект утопии Батлера, что машины вместо того, чтобы служить человеку, пытаются стать его хозяевами. В «Едгине» болезнь тела — наказуемый проступок, который всячески стараются скрыть. Напротив, социальная или моральная дисфункция в виде, скажем, «небольшой растраты» вызывает уважение и подлежит лечению у так называемого «выпрямителя». Разве не происходит нечто подобное в нашем обществе? Я попытаюсь показать, что подобные несоответствия и парадоксы возникают, главным образом, из-за того, что психологическая теория основывается на устаревшем взгляде на дуализм души и тела.

Весь ход развития современной науки показывает, какое непосредственное значение имеет эта проблема для наших целей. То, что раньше считали философской проблемой эпистемологии и метафизики, становится вопросом эмпирики и, следовательно, доступно для исследования научными методами. Это относится не только к фундаментальным понятиям физики — пространство, материя, время, причинность, — но

в некоторой степени и к биологии, которая сегодня рассматривает такие проблемы, как целостность, телеология, целеполагание.

Мы должны использовать все полезные знания, которые накоплены другими науками — биологией, культурной антропологией, психологией, сравнительной лингвистикой и т.д. Хотя мы не ожидаем найти «окончательное решение», столь дорогое сердцу философа, зато мы можем добиться известного прогресса в области психологической теории и психиатрической практики.

Имея в виду стоящие перед нами задачи, мы попытаемся изложить проблему души и тела в её традиционной форме, несмотря на риск показаться тривиальными. Перед нами стоят две взаимосвязанные проблемы, одну из которых можно назвать проблемой взаимоотношения разума и материи, а вторую — взаимоотношения мозга и сознания.

Наш непосредственный опыт дает нам две категории вещей, которые мы называем духовными и материальными. Опыт о материальных предметах — «всеобщий», т.е. каждый из наблюдателей, находящихся в примерно одинаковом положении будет иметь опыт, сходный с опытом другого наблюдателя, относительно таких физических предметов как стулья, дома, реки и т.д. В отличие от этого психический опыт — «персональный»: мою зубную боль не разделяет ни дантист, ни кто-нибудь другой, она знакома только мне.

Далее, нам известно, что любое такое знание зависит от состояния тела и, особенно, мозга. И таким образом проблема материальной и духовной сфер переходит в проблему взаимосвязи между мозгом и сознанием. Заметьте, что точка зрения существенно изменилась.

Различие между материальными предметами и психическими событиями можно наблюдать постоянно. В отличие от этого, взаимоотношения мозга и разума предельно сложны; когда мы говорим о происходящих в мозге процессах, мы предполагаем все относящиеся сюда знания из физики, химии, нейропсихологии и т.д. То есть универсум, о котором говорит наука — молекулы, химические реакции, электрический потенциал и т.д. — не доступен непосредственному опыту, а связан с ним только более или менее точной цепочкой рассуждений.

Проблема, говоря кратко, заключается в следующем: материя существует в пространстве и проявляет себя каким-либо физическим действием, — например, излучает электромагнитные волны. Они достигают некую физико-химическую систему фантастической сложности — мой мозг и тело с его органами чувств.

Свет вызывает химические реакции в сетчатой оболочке глаза: они передаются оптическими нервами и попадают в кору головного мозга, и затем происходит нечто радикально отличное от физико-химических процессов — появляется ощущение красного и зеленого. Или наоборот: происходят какие-то психические события — эмоция, волеизъявление, мотивация и пр. Эти психические события некоторым загадочным образом трансформируются в физиологические процессы в моторной области мозга. По пирамидному пути они достигают мышечной системы; в результате происходит сознательное действие.

Этот дуализм впервые представил Декарт в XVII веке. Декарт разделял *res extensa* — протяженную в пространстве материю, и — *res cogitans* — сознающий ум. Мы можем употреблять другие термины, но сущность картезианского дуализма от этого не меняется.

Не стоит говорить, что картезианский дуализм уже мёртв, поскольку в нашем распоряжении сегодня имеются «унитарные понятия» и человек рассматривается в качестве «психофизического целого». Всё это хорошо, но по существу картезианский дуализм по-прежнему составляет основу нашего мышления в нейрофизиологии, психологии, психиатрии и смежных областях.

Я не стану подробно излагать традиционные концепции о взаимоотношении духовного и телесного и говорить об их недостатках. Как известно, традиционные решения этой проблемы предлагаются тремя основными теориями: психофизического параллелизма, взаимодействия (интеракции) и идентичности.

В соответствии с доктриной психофизического параллелизма все звенья физического и психического события протекают параллельно, сопутствуя друг другу и нигде обоюдно не перемежаясь. Но в таком случае серия физических актов является самодостаточной и целиком детерминирована законами нейрофизиологии, т.е., в конечном счете, физическими законами. Таким образом, всё происходящее могло бы точно так же происходить и в случае отсутствия психических событий; следовательно, психика предстаёт как излишний и бездейственный эпифеномен в физическом мире. Но в реальности идеи действительно движут материей — в индивидуе, в обществе, в истории. Поведенческие и интроспективные наблюдения показывают, что поведение определяется символами, ценностями, интенциями, предвосхищением будущего, — а это радикально отличается от нейрофизиологических актов, электрических потенциалов, химических реакций и от физико-химических процессов в целом.

Теория интеракции постулирует взаимопроникновение психических и физических событий. Это

упрощённое понимание вызывает вопросы. Каким образом сущность, которая по определению является нефизической, может взаимодействовать с физическими и химическими процессами? Это противоречит основным принципам физиологии и физики. И наоборот, физические процессы должны с необходимостью приводить к другим физическим процессам; непонятно, каким образом некоторые из них могут произвести нечто принципиально отличное, — ощущения, чувства и т.д.

И наконец, теория идентичности предполагает существование некоторой исходной реальности, которая проявляется под влиянием различных аспектов физического и духовного опыта. Но в таком случае что представляет собой эта реальность? Единственно возможный способ её постижения — с помощью той реальности, которую мы непосредственно переживаем, то есть с помощью нашего сознания, нашего «я», нашей души. Но в этом случае мы приходим к панпсихизму, который трудно принять, и который плохо согласуется с фактами. Из огромного количества физических процессов, происходящих во вселенной, только малая часть имеет своего духовного двойника, — т.е. процессы, которые происходят в действующем мозгу; а из множества поведенческих реакций и физиологических событий, происходящих в мозгу, только чрезвычайно малая часть сопровождается сознанием. У нас нет никакого подтверждения тому, что существуют какие-либо различия между физиологическими процессами мозга, которые сопровождаются работой сознания и теми, которые ей не сопровождаются; будь то электрические потенциалы, химическая или гормональная передача импульсов и т.п.

Все эти теории, а также последние дискуссии по данной проблеме, принимают картезианский дуализм как должное. Но нам следует пересмотреть старые взгляды на основании данных, которые предоставляют нам различные отрасли современного знания.

Итак, картезианский дуализм материальных вещей и сознающего «я» — это не изначальная данность: она является результатом длительной эволюции и развития. Дуализм материального мозга и нематериального сознания — это концептуализация, которая развивалась исторически, но не является единственно возможной или наиболее приемлемой. Собственно говоря, классическая концептуализация материи и сознания уже не соответствует имеющемуся знанию. Не следует обсуждать проблему души и тела в терминах физики XVII века, необходимо пересмотреть её в свете современной физики, биологии, науки о поведении и других отраслей знания.

Данные биологии

Начнем с данных биологии. Чтобы избежать ещё одного картезианского дуализма — рассмотрения животных как бездушных машин, а человека как единственного наделенного душой создания, — нам следует признать, что обезьяна или собака способны видеть, ощущать боль, имеют желания и т.д. Если это признать, тогда нам удастся избежать разрыва на более низкой ступени эволюционной лестницы; переходя к все более простым типам животных, нервных систем и видам поведения мы не находим признака, по которому можно судить, где именно исчезает душа и остаются только рефлекторные и неврофизиологические акты.

С другой стороны, у нас есть все основания предполагать, что мир в восприятии существ, отличных от человека, значительно отличается от нашего мира.

До известной степени мы можем его воссоздать, как показывают живописные реконструкции мира собаки, мухи, и т.п., представленные некоторыми учёными. Не вдаваясь в подробное изложение, выделим два основных принципа этологии: окружающий мир данной особи определяется её организацией, в частности структурой её рецепторов и эффекторов; мир человека — только один из бесчисленных миров среди миров живых существ.

Насколько можно судить, здесь действует принцип дифференциации. То, что воспринимается нами как внешние объекты, с одной стороны, и наше сознательное эго, с другой, постепенно дифференцировалось и сформировалось из изначально недифференцированного целого экстероцептивного и проприоцептивного опыта. Легко обнаружить, что мир предметов вокруг нас особенно сильно связан со способностью чувствовать на расстоянии, в первую очередь со зрением. При разделении физических предметов и индивидуального сознания особенно сильно сказались два фактора: во-первых, соответствующие рецепторные органы, о чём мы писали выше; и во-вторых, более высокий уровень человеческого сознания, символики, языка и мышления, которые вовлекаются в восприятие, помогая установлению двух миров — окружающих нас предметов и нашего сознательного эго.

Данные возрастной психологии

Еще более очевидной дифференциация объекта-субъекта становится, когда мы обращаемся к примерам детской и возрастной психологии. Для краткости мы можем их рассматривать одновременно, но не следует забывать, что индивидуальное развитие ребёнка — это

не простое повторение эволюции человеческой расы.

Как показывает антропологическая наука, люди других культур обладают иными, отличными от наших, взглядами на мир и его концептуализациями. Возрастная психология свидетельствует, что дуализм между эго и внешним миром — несмотря на кажущуюся очевидность — является результатом длительного развития.

На низшей ступени различие между внешним миром и эго не ощущается. Здесь уместно воспользоваться одним из терминов психиатрии, а именно, понятием границы эго. Как известно, в психиатрии существует понятие разрыва границ эго при шизофрении, когда пограничная линия между внешними объектами и объектами, которые являются в галлюцинациях, — между «всеобщим» и «частным» мирами, — размывается или исчезает полностью. Это один из симптомов шизофрении, но подобное состояние неопределённости эго-барьера бывает и при нормальном развитии. Ребенок до некоторого времени не выделяет себя из остального мира, он учится этому постепенно, как правило, сталкиваясь с препятствиями и помехами для его действий со стороны окружающих предметов.

На следующей стадии эго-барьеры развиваются, но не закрепляются окончательно в смысле разделения неодушевленных вещей снаружи и чувствующего и волеизъявляющего эго внутри. Это, скорее, стадия анимизма: внешние предметы — не только люди, но и животные, растения и даже неорганические предметы — наделяются эмоциями и желаниями, доброжелательностью или злонамеренностью, т.е. всем тем, что свойственно собственным переживаниям индивида — ребенка или примитивного человека. Остатки этого анимистического опыта существуют и во взрослой личности. Можно привести самый простой пример: мы ищем какой-то предмет, который, как представляется, намеренно ускользает от нас, как будто его прячет домовая. То же самое приложимо к весьма сложным путям, которыми движется научная мысль. Анимистический взгляд всё еще сохраняет силу в аристотелевском пауке. Как говорил Аристотель, каждый предмет ищет своё «природное место» и наделен энтелехией.

Со временем в человеке развивается специфически человеческая способность к речи и к символической деятельности вообще. Здесь мы подходим к другой стадии, когда анимистический опыт всё ещё продолжает существовать, но с важным дополнением: человек обретает способность выражать себя с помощью речи и других символов. Однако еще не появилось четкого различия между символом и предметом, который он

изображает. Следовательно, в некотором смысле символ (т.е. наименование или какой-то другой образ) — это сама вещь и манипуляция символическим образом (называние предмета, изображение зверей, на которых охотятся, и т.п.) даёт власть над этими предметами. Дикари, дети и невротики постоянно совершают ритуалы с целью такого магического контроля.

Только на последней ступени достигается четкое разграничение между внешней реальностью, эго и символами. Окончательно устанавливаются границы эго. Часть опыта — собственное тело и психические процессы — поддается непосредственному контролю, в то время как другая часть — внешний мир — поддается только ограниченному и косвенному контролю, либо посредством физического действия, либо с помощью ментальной интерполяции символических процессов. Существует мнение, что неорганическая материя — изобретение физиков эпохи Возрождения. Если так, то деантропоморфизация физики заняла много времени. Вспомним долгую борьбу вокруг физического понятия «силы», которое сначала понималось как антропоморфический принцип и только позднее было деперсонифицировано как чисто математическое понятие энергии.

Эту эволюцию можно сформулировать в иных терминах, но мне представляется, что принятая нами терминология отражает существо вопроса и может быть принята в качестве основы для дальнейшего обсуждения проблемы.

На мой взгляд, основной вопрос в проблеме духовного и телесного заключается в следующем: должны ли мы принять взгляд на мир современного западного человека как нечто не требующее доказательства, или нам следует тщательно исследовать как повседневный опыт, так и данные науки.

Полагаю, что имеются веские доводы в пользу второго.

Данные интроспективной психологии

В философии дуализм физического и психического миров принимаются как бесспорная данность. Однако восприятие большинства простых объектов — домов, столов, людей — не простая сумма ощущений, как любят представлять философы-позитивисты. Принимая во внимание всё индивидуальное научение, обусловленность и мотивации, которые участвуют в восприятии, весьма трудно установить, какая часть видимого мира является «общей» в позитивистском смысле. Даже иллюзии вовлечены в процесс нормального восприятия. Существенной предпосылкой для опыта об окружающем нас мире как

организованной целостности является постоянство явлений психологии: постоянство размера, формы, цвета и т.д. воспринимаемых предметов.

Но это постоянство основывается на различии между ощущением и восприятием, т.е. на механизмах, которые в психологическом эксперименте представляется иллюзией. Не с помощью интуитивного опыта, а только посредством более или менее разработанных функций тестирования можно показать, что «действительно» принадлежит воспринимаемым объектам, а что иллюзия и заблуждение¹.

Далее, мы нигде не находим просто антитезы между внешними физическими предметами и нашим внутренним «я»; зато находим множество интерградаций. В зрительной и тактильной областях наш опыт — это не только опыт о восприятиях или простых ощущениях, но и опыт об изменяющихся формах, цветах и других признаках предметов. В слуховом опыте уже труднее различить, что снаружи, что внутри. Фуга Баха — это пространственный объект или внутренний опыт? Так же нечётко различие и пространственная локализация вкусовых и обонятельных ощущений.

Таким образом, при интроспекции границы эго вновь проявляются размытыми.

Напротив, опыт моего эго — это не опыт какой-то нематериальной сущности, а мир опыта (проприоцептивного в самом широком смысле слова), который сообщает о некотором «материальном» объекте, именуемом на физическом языке моим телом, так же как экстероцептивный опыт — это мир опыта, сообщающий о «материальных» предметах вокруг меня. Я переживаю своё чувствующее эго не как нематериальную душу, а как некоторые ощущения моего тела; своё мыслящее эго не как разум, а как безгласную речь (напряжение некоторых частей моей мускулатуры и

¹ Следует отметить, что многие т.наз. «частные» ментальные данные точно так же поддаются объективному тестированию, как физиологические и психические. Это показывает любой психологический эксперимент. Представляется ли человеку или животному в его «частном» опыте предмет как зелёный или он видит другой зрительный спектр или вовсе не воспринимает цвета, — всё это независимый наблюдатель может определить теми же тестами, что и психологические процессы, — т.е. наблюдением соответственно подобранных реакций на стимул. Такие инструменты, как полиграф позволяют широко (но не безошибочно) проникнуть в «частную» психическую жизнь субъекта.

Таким образом, широко распространенная антитеза проблематична. Опыт о материальных предметах — это в значительной степени «частный» опыт, поскольку он зависит от индивидуального знания, мотивации и т.д., так же как духовный опыт во многом «общий» так как он может верифицироваться незаинтересованным наблюдателем.

т.д.), моё волеизъявляющее эго не как чистую волю, а как известное ощущение что я «держу себя в руках» и т.д. Исключите этот проприоцептивный опыт, и от сознания своего «я» ничего не останется, точно так же, как исчезают внешние предметы, если закрыть глаза. Как представляется, Уильям Джеймс, один из самых проникательных интроспекционистов, был совершенно прав, подчеркивая это наблюдение, но это не означает, что можно некритически принять в качестве физиологической гипотезы так называемую теорию Джеймса-Ланге.

Здесь присутствуют все промежуточные звенья между жесткой пространственной локализацией и неопределенностью чувства. Боль ощущается во вполне определенной части моего тела, (болит зуб или палец) практически так же, как локализация стула или дерева воспринимается во внешнем пространстве зрительно-го опыта. Но ощущения здоровья или болезненности, душевного подъёма или депрессии переживаются всем телом целиком, примерно так воспринимается звук, который трудно локализовать. В конце шкалы, очевидно, будет располагаться чистый ментальный опыт, например, как при решении арифметической задачи, когда мы почти полностью забываемся, хотя можно наблюдать известное напряжение некоторых мускулов и т.д.

Поэтому не следует думать, что, опыт о внешнем мире — пространственный, а опыт о внутреннем мире или эго — опыт только временной, как считал Кант. Комплекс проприоцептивного опыта, который составляет моё эго, локализован в пространстве так же, как и мир экстероцептивного опыта. Действительно, он локализован менее жёстко, но во внешнем опыте присутствуют все оттенки от точно определённой локализации (зрение, прикосновение) до всё более неопределённой (слуховые, химические ощущения).

И не вызывает сомнения, что при патологических состояниях границы эго либо становятся размытыми, либо исчезают совершенно. Чтобы произвести такого рода эффект, достаточно нескольких микрограммов ЛСД. Голоса, которые мерещатся шизофренику и те голоса, которые воспринимаются в нормальном разговоре, обладают одинаково реальной ценностью для воспринимающих их индивидов. Однако даже для тех, кого можно назвать вполне нормальными, границы между сознательным и бессознательным, физиологическим телом и внешними объектами не установлены жёстко².

² Бессознательное не могло вписаться в картезианский дуализм просто потому, что Декарт никогда об этом не думал. Физические сущности с одной стороны, сознательный ум, с

Любой случай невротизма показывает, что вегетативные функции, чисто физиологические в каждом «нормальном» человеке, психологичны в невротике. И наоборот, практика йогов показывает, что физиологические функции, произвольные и поэтому относимые только к деятельности тела, могут быть подчинены сознательному контролю. Или, например, фантомная конечность, которую пациент может чувствовать и ощущать после ампутации. В свою очередь инструмент или машина могут сделаться частью эго-опыта, эго

другой, — вот каков был картезианский дуализм; и эта четкая схема разрушилась с открытием бессознательного.

Первоначальное определение ставило знак равенства между «ментальными событиями» и сознанием или осознанием. Это делает понятие духовного бессознательного противоречащим самому себе. Разумеется, нетрудно свести бессознательное к нейрофизиологическим событиям, мнемоническим следам, повторяющимся циклам, выработке условных рефлексов, программированию и т.д. Но тогда картезианский дуализм вновь появляется на более глубоком уровне. Предположим, что бессознательное состоит из неврофизиологических следов памяти; тогда его переход в сознательные ментальные процессы (например, в психоаналитическую беседу) так же непонятен, как непонятна конверсия нейрофизиологических событий в коре головного мозга в видимые нами цвета.

Современные электронные машины обладают «рациоморфным поведением»: они производят вычисления, обладают памятью, могут преследовать цель и т.д. и в целом ведут себя так, как раньше считалось привилегией рационального и сознательного ума. У нас, однако, нет оснований считать, что машина, которую мы сами построили, обладает «сознанием». То же самое можно сказать о подавляющем большинстве биологических регуляций: они «рациоморфны», но наш эмпирический опыт интроспекции говорит, что они бессознательны. И мы вновь стоим перед эпифеноменалистской загадкой: почему вообще развилось сознание, если всё совершается посредством механизмов, не обладающих сознанием. Как правило, эволюция не продуцирует бесполезные характеристики и свойства, и считать сознание одним из «бесполезных» свойств, как иногда бывает (цветные крылья бабочек, сложное разветвление рогов некоторых оленей), означало бы, что эволюция человека была одним из лишенных смысла случайностей эволюции. Другое дело, если мы отдаём должное сознанию, если рассматриваем его не как случайный эпифеномен, а как явление, функции которого не могут выполняться рациоморфно работающими механизмами; т.е. когда человек, обладающий сознанием, создаёт новый мир вне физиологических механизмов и простых ощущений. Человек как творец своего собственного мира — мира символов и культуры — обосновывает себя только как сознательное существо. В качестве чисто адаптивного механизма сознательное действие не идёт ни в какое сравнение с органической регуляцией, и за 2 тысячи лет оно натворило столько дел, сколько не было за 2 миллиарда лет эволюции!

продлением или расширением. Так, например, хороший шофёр чувствует свой автомобиль.

Категории опыта

Для того, чтобы из ощущений и восприятий построить универсум опыта, необходимы умственные операции, которые Кант относил к понятию *категорий*. Но в отличие от взглядов Канта, категории пространства, времени, причинности, эго и т.д. не даны раз и навсегда, как априорные понятия, действенные для каждого разумного существа; они являются продуктами длительного и непрямолинейного развития. Они обусловлены биологической организацией. Как подчеркивал Лоренц, ни человек, ни какое-либо другое живое существо не может выжить долго, если его восприятие не отражает — хотя бы искажённо — те черты универсума, от которых зависит выживание данного вида. Но это подразумевает некоторый вид изоморфизма, а не точную копию действительности. Что же касается человеческого существа, его категории опыта постепенно формируются в тесном взаимодействии с социальными и культурными факторами. В данной работе мы воздержимся от детального анализа, но чтобы показать общее направление, в котором движутся эти процессы, сошлёмся на исследование Пиаже, который рассматривает, каким образом устанавливаются категории в процессе духовного развития ребёнка во взаимодействии организационных и поведенческих факторов; а также на работы Кассирера, где рассматривается развитие категорий в процессе культурной эволюции, показанное на примере сравнения цивилизованных и примитивных народов. Нам представляется, что формирование категорий происходит во взаимодействии с лингвистическими факторами: структура языка — это одновременно и определяющий фактор, и выражение того, как организован универсум. Здесь заслуживает дальнейшего рассмотрения так называемая гипотеза Сепира-Уорфа, которая затрагивает взаимоотношение мира опыта и структуры языка³.

³ Это одна из причин, почему не оправдываются надежды «решить» проблему духовного и телесного, рассматривая её как результат «концептуального смешения», или лингвистического анализа «употребления психических и физических терминов в обыденном языке». Мы начинаем с антитезы телесное — духовное, которая выработалась с развитием западной науки. Однако и наш обыденный язык, и концептуальный анализ могли начинать с *logistikon* Платона, его *thymodés* и *epithymetikon*, с *anima rationalis, sensitiva* и *vegetativa* Аристотеля, с *pneuma* и *psyche* гностиков, с индийского *atman* и *кама*, или любой другой чужеземной психо-

Изо всего сказанного следует, что проблема духовного и телесного нуждается в гораздо более интенсивном научном изучении, чем то, которое предпринималось до настоящего времени. Прежде чем обсуждать проблему души и тела в терминах картезианского дуализма, нам следует тщательно изучить историю, предысторию и биологию этих понятий. Принимать их как должное, и затем пытаться скоординировать их с помощью логических трюков — это, если воспользоваться известным сравнением, то же самое, что наблюдать видимую часть айсберга, забывая о гораздо большей массе льда под волнами моря.

Эмпатия и проблема другого сознания

Нам осталось рассмотреть мир науки и определить возможные последствия — теоретические и практические — того, что было сказано выше. Но прежде я хотел бы кратко остановиться на проблеме, которую в психологии называют эмпатией, а в философии — познанием другого.

Некоторым непостижимым образом мы узнаем, что наши собратья испытывают гнев, боль, удовольствие, что они наделены духовными переживаниями, как и мы. Бихевиористское объяснение этого хорошо известно, и заключается в том, что в отношении других мы применяем процесс умозаключения: если я испытываю боль или какое-либо другое чувство, у меня появляется гримаса на лице или проявляется какой-либо другой поведенческий симптом. Следовательно, если я вижу на вашем лице подобную гримасу, я умозаключаю из этой поведенческой подсказки, что вы испытываете такую же боль или какое-то другое чувство, и способность делать подобные умозаключения приобретается в процессе научения.

На наш взгляд, феномен эмпатии и опыта о другом сознании не является сложным умозаключением, и еще

логией, то есть с любых других концептуализаций, которые не обязательно стоят ниже западной психологии, а возможно выше её. Подобная возможность проистекает из того, что наши индо-германские языки, как и модели, которые мы применяем в научной психологии, могут выражать «духовное» только при помощи физикалистских сравнений. Это серьёзный недостаток. Другие категоризации в рамках иных лингвистических систем вполне вероятны и могли бы предложить более адекватную и, следовательно, более реальную психологию, чем наша. Надежда найти «решение» проблемы при помощи «здорового смысла» и «анализа обыденного языка» (как предлагают некоторые позитивисты) фантастически наивна. Если в науке следовать этому совету, то окажется, что всё ещё солнце вращается вокруг земли, поскольку как здравый смысл, так и обыденный язык ясно говорят нам, что солнце восходит на востоке и заходит на западе.

в меньшей степени он представляет собой вербальное обучение матерью своего ребенка, как предполагают некоторые бихевиористы. Это, скорее, нечто очень примитивное и первозданное, и у цивилизованного человека эмпатия представляет собой жалкий остаток способности к интуитивному пониманию, которое было намного сильнее развито в примитивном человеке и даже у животных. Действительно, иногда домашний питомец понимает моё состояние и мои намерения настолько хорошо, что это превосходит эмпатическое понимание близких людей. И это тем более замечательно, что экспрессивные движения и анатомии лица сильно отличаются друг от друга. Моя собака знает, хочу я с ней общаться в данный момент или нет; мой волнистый попугайчик знает, что может «поцеловать» меня в рот, но не должен клюнуть в глаз. Откуда берётся это знание? Вряд ли это врождённое, вряд ли приобретённое в процессе эволюции; волнистые попугайчики всегда держались подальше от людей и только недавно стали импортироваться в качестве домашних питомцев. Такой способности нельзя научиться — у собаки нет возможности производить сравнительное изучение выражения лица человека и морды животного. Даже учёный-натуралист, который хотел бы всячески избежать метафизики, может с трудом удержаться от впечатления, что эмпатия (и относящиеся сюда явления массовой психологии) представляет собой остаток коллективного бессознательного, из которого вырастают индивидуализированные эго, но следы которого всё ещё сохраняются. Конечно, «коллективное бессознательное» — это материализация того, что в действительности представляет собой лишь случайное динамическое событие; но таковы и «сила», и «энергия», и другие почтенные понятия науки. Используя такие модели, мы должны всё время об этом помнить и не обращать подобные концепты в метафизические (или, как это часто случается, в божественные или демонические) сущности.

Связь искусства, морали, религии и т.д., с эмпатией очевидна, хотя заслуживает детального обсуждения. Искусство и поэзия предполагают эмпатию, познание другого, анимистический опыт, *tat tvam asi* — выберите любой термин для обозначения этого вида познания. В известном смысле «мир опыта» ребенка или примитивного человека переносится на самые возвышенные проявления культуры. Однако нужно быть упёртым позитивистом, чтобы считать миры художника и поэта только архаическими останками. Скорее можно сказать, что существуют иные, возможно более высокие, формы знания, чем знание, которое дает обыденная жизнь или наука; что мир науки предлагает только один взгляд на реальность,

весьма полезный и на свой лад плодотворный, но не единственно возможный.

Именно это мистики утверждали на протяжении веков. Единое знание, о котором говорит мистицизм, представляет собой такую форму опыта, которая находится за пределами эго и мира, за пределами духовного и телесного. Это подлинный опыт, который подтверждается фактом *philosophia perennis*, независимым проявлением одного и того же мистического опыта в людях различных культур, верований и времён.

Маслоу⁴ весьма удачно охарактеризовал в научных терминах, то что он называет познанием сущности (being cognition) в противоположность обычному познанию. Как известно, Маслоу проводит различие между нормальным «недостаточным познанием», которое только и рассматривалось в традиционной западной психологии — т.е. опытом, ориентированным на копирование действительности средствами адаптивной перцепции и в рамках принятой символики — и «познанием сущности», которое достигается в наиболее высокие моменты любовного, эстетического и другого опыта. Наивысший опыт не утилитарен; он выходит за пределы границы между эго и не-эго; он отвергает «рубрикации», т.е. заключение вещей в рамки символических категорий; и он отделён от личностных целей и страхов.

Нам следует принять перспективистскую точку зрения. Научный взгляд на мир — превосходная вещь там, где он уместен, т.е. как способ концептуального и технологического контроля над природой. Однако, это только один из возможных подходов к реальности, художник или, в крайнем случае, мистик предлагает другой подход, и он также имеет прагматическое обоснование: не как способ контроля над миром с помощью чудес техники, но как способ самореализации человеческой личности.

Данные физики

Теперь, когда мы вплотную подошли к науке, мы уже знаем, что она отличается от обыденного опыта не по сути, а скорее охватом, детализацией и более высоким уровнем концептуализации. Следует еще раз отметить, что наша западная наука — которая во многом ориентируется на теоретическую физику — не единственно возможная. Один из ведущих математиков (Гёдель, которого часто цитировал Оппенгеймер) утверждает, что развитие нашей математики

⁴ Maslow A.H. Cognition of being in the peak-experiences // J. Genetic Psychol. 94:43, 1959; Maslow A. The creative attitude // The Structuralist 3:4, 1963.

по количественному пути — это чисто историческая случайность; возможны другие, неметрические формы математики и соответствующих моделей, и это действительно подтвердилось в последних достижениях (например, в теориях игр и принятия решений). Исторически существовали весьма разные формы науки, т.е. теоретические концептуализации и модели того, что нам даётся в ощущениях⁵.

Картезианский дуализм, антитеза между нематериальной душой внутри нас и бездушной материей вне нас, возникает как концептуализированная характеристика прочно оформившегося состояния западной науки — *res extensa*, знаменитые бильярдные шары, атомы,двигающиеся в пространстве согласно законам классической механики, и *res cogitans*, работа рационального ума, философа, удобно устроившегося в кресле в своём кабинете и манипулирующего крайне абстрактными символами. Это не первоначальное данное, а скорее результат бурного развития, происходящего при созревании человеческой индивидуальности, в ходе эволюции человека из животного состояния, а с исторической точки зрения — от диких племен до рационального философа семнадцатого века.

Что осталось от этих сущностей современной науке? Современная физика разрушила понятие материи, оставив его исключительно в целях необходимого словоупотребления. Первоначальные компоненты физической реальности больше не малые тела, а скорее динамические события, о которых мы можем сказать только, что некоторые аспекты их поведения могут быть описаны некоторыми математическими законами.

Современная психологическая теория не может, конечно, сравняться в изощрённости с физикой. Тем не менее, физическая и психологическая наука имеют общую направленность.

Физика расширяет круг наблюдаемого, изобретая инструментарий — микроскопы, электронные микроскопы, камеры Вильсона — и благодаря этому открывает сущности, которые лежат за пределами невооруженного сенсорного опыта: клетки, молекулы, атомные частицы и т.д. Подобным образом, психология расширяет круг наблюдаемого разработкой необходимых технических приёмов. Например, психоанализ раскрывает область бессознательного, которую невозможно наблюдать с помощью простого опыта. Для объяснения всего наблюдаемого как физика, так и психология конструируют модели и теоретические

системы, которые в значительной степени превосходят непосредственный опыт и связаны с ним только длинной цепочкой дедуктивного рассуждения.

В конечном счёте, физика может предложить только концептуальную систему, позволяющую более или менее точно описать взаимоотношения между сущностями, которые в конечном счёте остаются неизвестными. То же можно сказать о психологии. Такие конструкции, как ид, эго, суперэго, внутренний импульс, подавление и другие всевозможные гипотетические конструкции или модели психологии изобретаются для того, чтобы описать и предложить рациональную систематизацию некоторых взаимоотношений в процессе опыта. Что такое эти сущности в метафизическом смысле остаётся неопределённым, и (как, например, у Фрейда) они могут быть представлены простой письменной символикой.

Таким образом, в картине мира, какой её представляет современная наука, не остается места для провозглашения маленьких бильярдных шаров или нематериальной души в качестве первоначальной реальности. Скорее, представляется реальность, которую в экстероцептивном опыте можно наблюдать как мир вещей, а в проприоцептивном — как эго. В науке этот мир и некоторые его структурные аспекты описываются при помощи физической и психологической теорий.

Изоморфизм и общая теория

Я не стал бы начинать ещё одну дискуссию о проблеме духовного и телесного (их было достаточно), если бы не надеялся предложить рабочую гипотезу, которая может выработать новые подходы в теоретической и практической областях. Это будет основным итогом нашего обсуждения проблемы.

Как мы убедились, физика и психология (обе взяты в широком смысле слова) представляют собой концептуальные построения, представляющие некоторые аспекты действительности. Отсюда следует первый вывод: нам необходимо отказаться от т. наз. редукционизма. Психологические концепты не могут быть сведены до концептов нейрофизиологии, как было очевидно с самого начала. Духовный мир также не является эпифеноменом физического мира атомов, химических реакций, электрического тока и т.д., который полностью детерминирован законами физики, так что ментальный ряд представляют собой его дубликат, недоступный пониманию и не имеющий отношения к делу. И мир физики, и мир психологии — это конструкции, необходимые для того, чтобы заставить некоторые аспекты мира опыта повиноваться закону.

⁵ Von Bertalanffy L. An essay on the relativity of categories // Philosophy of Science 22:243, 1955; Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. 2 vols. (ed. 82). C. H. Beck, Munich, 1929.

Тем не менее, исключая всякую редукцию психологии к нейрофизиологии, можно указать на существующую между ними связь и показать каким образом можно вести поиск унификации обеих областей.

Чтобы установить между ними связь, мы должны постулировать изоморфизм между конструктами психологии и нейрофизиологии. Это одновременно и минимально требуемая и максимально дозволенной наукой гипотеза: минимальная — потому что нейрофизиология лишилась бы всякого смысла, если бы она не имела соответствия умственным процессам; максимальная — потому что это максимум того, что мы можем сказать, не впадая в метафизику; однако не следует принимать этот изоморфизм в наивном и упрощенном виде. Он не подразумевает никакого простого сходства между психологическими процессами и физиологическими процессами, происходящими в мозге, например, между визуальными образами и соответствующими им электрическими процессами в мозге. Здесь наглядной иллюстрацией может служить сравнение с современными «думающими машинами». Например, мы можем себе представить — и я думаю, это вполне вероятно с технологической точки зрения — машину, которая собирает автомобили полностью автоматическим способом. Это предполагает необходимость создания компьютерной программы и соответствующих механизмов. Но эта программа — допустим, в форме перфорированной ленты — не имеет очевидного сходства с производимой продукцией — автомобилем, и это несмотря на то, что его кодировка изоморфична программе. Нечто подобное имеет место в биологии, в частности, генетический код белкового синтеза, содержащегося в нуклеиновых кислотах хромосом. Если, как представляется весьма вероятным, функция памяти связана с РНК нейронов, то можно предположить существование ещё неизвестного способа кодирования. Следовательно, изоморфизм между психологическими и нейрофизиологическими событиями не означает необходимость простого подобия между этими рядами событий.

Так как же можно объединить нейрофизиологическую и психологическую теории? Полагаю, что на этот вопрос можно ответить вполне определённо. Как уже указывалось, подобная унификация идет не по пути придания абсолютного характера физическим понятиям и сведения их к психологическим конструктам. Скорее, возможность унификации психологической и физиологической теорий усматривается в выработке обобщенных понятий, которые приложимы в обеих областях, в то же время оставаясь нейтральными в отношении и физики, и психологии. Мы уже представляем, как может выглядеть подобная всеобщая

теория⁶. Последние теоретические построения понятий в кибернетике, теории информации, общей теории систем, в теории игр и принятия решений и т.д. вырабатывают понятия именно такого типа, — т.е. конструкты, которые не являются ни психологическими, ни физическими, и вместе с тем приложимы и к той, и к другой области. Необходимо признать, что здесь намечены только первые шаги. Но я полагаю, что проблема уже довольно отчетливо вырисовывается в следующем виде: формулировка общей теории, в рамках которой и физические, и нейрофизиологические понятия предстают в виде детальных описаний.

Новая концепция психофизического организма

Такая теория, даже в том весьма неопределённом виде, в каком мы можем обрисовать её сегодня, будет иметь вполне определённые практические последствия.

Дихотомия между физическими и психологическими методами, сложившаяся в психиатрической терапии — следствие философской антитезы духовного и телесного. Стандартная модель функционирования мозга была физикалистской, т.е. заимствованной из традиционной физики без учета биологии. Эта модель, в сущности, представляет организм как инертную систему, которая активизируется только внешними факторами; именно так как ведут себя обычные физические системы; отсюда выводится модель живого и поведенческого организма, которую можно назвать «автоматической». Как легко можно увидеть, эта автоматическая модель преобладает в психологии в терминах «стимул–реакция» и в других схемах. Понятие психологического и социального гомеостаза; фрейдистский принцип стабильности, согласно которому утверждается тенденция организма к ослаблению напряжения и к достижению покоя в равновесном состоянии; подход к душевной болезни как нарушению такого равновесного состояния и, как следствие, идеал человека–робота, которого нужно поддерживать в оптимальном психологическом и социальном гомеостазе и приспособлении к существующим условиям — все это, и многое другое — следствие или различные выражения автоматической модели.

Однако эта модель не может удовлетворить нас как теория и опасна по своим практическим последствиям. Согласно современной биологии, организм — не простая физическая система, т.е. такая, которая соответствует традиционной (или, скорее, устаревшей)

⁶ Von Bertalanffy L. General system theory. A critical review // General Systems, Yrbk. Soc. General Systems Res., 7:1, 1962.

физической теории, это так называемая открытая система, и одна из характеристик открытой системы состоит в том, что она не только реагирует на стимулы, но и обнаруживает качество, которое можно назвать внутренней или автономной активностью⁷.

Разумеется, это соответствует опыту как классической⁸, так и новейшей нейрофизиологии⁹. Здесь достаточно упомянуть такие системы активации, как ретикулярная система, чтобы показать всю важность автономной активности. И конечно, всё сказанное соответствует опыту психиатрии и службы душевного здоровья. Если в соответствии со схемой стимул–реакция основная тенденция психофизического организма состоит в удовлетворении биологических потребностей, почему тогда в вашем так называемом обществе изобилия, где биологические потребности голода и секса и потребности повседневной жизни в целом удовлетворяются как никогда ранее, мы наблюдаем беспрецедентное число душевных расстройств? Тот факт, что половину госпитализируемых больных составляют пациенты психиатрических клиник — самая драматическая иллюстрация ошибочности общепринятых принципов. Полагаю, что можно довольно точно определить причины и сделать необходимые практические выводы.

Преодоление физикализма приводит нас к замене схемы стимул–реакция и автоматической модели на более реалистические схемы, которые подходят к психофизическому организму как внутренне активной системе. Это предполагает переоценку психологической теории и практики. Имея в своем распоряжении понятия, акцентирующие активность и креативность, самореализацию и т.д., психология вырывается из оков модели «стимул–реакция» и движется к новым понятиям того типа, которые я пытался обрисовать.

Культура и ценности

Наконец, некритическое принятие картезианского дуализма заставило нас забыть о том, что понятие материи и сознания ни в коей мере не покрывают всей области реального. Существует множество реалей, которые в равной степени ни материальные, ни духовные, а которые находятся по ту сторону и вне картезианской

антитезы. Мы не можем здесь углубляться в детальное обсуждение и давать дефиниции, но несомненно, что помимо реакций на биологические нужды, человеческое поведение существенным образом детерминировано реалиями, которые мы можем несколько вольно обозначить, как культурные, символические, духовные и т.д. ценности. Легко увидеть, что они не вписываются ни в одну из картезианских категорий — они не физические, как камни или животные, атомы и химические реакции; но они и не ментальные, как мысли и чувства, мотивации и другие психологические конструкты. Как представляется, если кто-либо предпримет попытку хорошо продумать этот вопрос, можно начать с самых простых явлений нашего общества — скажем с Финансового управления как с очень реальной сущностью, которая, тем не менее, не является ни физическим предметом, ни, к сожалению, ментальной галлюцинацией — и дойти до наивысших достижений культуры, называемых наукой, произведениями искусства, религиозными ценностями и так далее. Стоит подумать над тем, можно ли симфонии Бетховена, картины Рембрандта, или физические системы определить в терминах категорий «физического» и «духовного», и легко обнаружить, что это невозможно¹⁰. Но ведь именно такие реалии высокого или символического уровня определяют наиболее важную часть человеческого поведения.

Итак, это не метафизическое умозаключение, а реальное отражение в психиатрии. Как я уже говорил, что до сих пор психиатрия определялась картезианской антитезой — она либо физическая (как

⁷ Von Bertalanffy L. Some biological considerations on the problem of mental illness // Bull. Menninger Clin. 23:41, 1959.

⁸ Von Bertalanffy L. Problems of Life, An Evaluation of Modern Biological Thought, Wiley: N.Y., 1952. Torchbook edition, Harper: New York, 1960, pp.114-122.

⁹ Hebb D. Drives and the CNS (conceptual nervous system) // Psychol. Rev. 62:243, 1955.

¹⁰ Что такое, например, наука? Несомненно, что это, так сказать, самодвижущаяся сущность, т.е. система, организованная и развивающаяся согласно своим имманентным законам. Это «реальность» только в практическом и неметафизическом смысле слова, т.е. нечто, что глубоко воздействует на человеческое поведение, общество, жизнь и даже на выживание. Несомненно, что она не «материальна», это не сумма учебников, профессоров и лабораторий. Но она и не «духовна», это не совокупность психологических проявлений отдельных людей, занятых наукой, обучением и управлением. Это также и не имя собирательное для обозначения некоего человеческого поведения, потому что, как мы уже указывали, она следует своим собственным законам системного построения, которые не являются ни физическими законами, ни психологическими. Ответ на этот вопрос заключается в том, что наука, подобно искусству, музыке, этике, религии и другим сущностям культуры, представляет собой символическую систему, которая выходит за рамки и материальных предметов, с которыми она связана, и психологии индивидов. Недостаток картезианского дуализма состоит в том, что он не оставляет места для таких сущностей, которые отличают поведение человека от поведения животного.

психохирургия, электрошок, медикаменты и т.д.) либо психологическая (попытки лечить индивидуальную психику).

В результате она неспособна охватить широкие области душевных расстройств и душевного здоровья. Например, много говорится об экзистенциальном неврозе, вызванном не расстройством биологических потребностей и не какими-то частными конфликтами, а всей бессмысленностью жизни современного общества, в мире, где потерпели крушение ценности, цели, устремления. Что общего это имеет с электрическими потенциалами мозга или с неудовлетворенными желаниями? Тем не менее, страдание может быть настолько сильным, чтобы склонить к самоубийству. Или проблема отклоняющегося поведения (предполагается, что это психиатрическая проблема, хотя это можно оспаривать). Появляются сведения о новом типе преступлений — не из-за нужды или материальной корысти, и не в порыве страсти, а ради того, чтобы «пощекотать нервы», чтобы завоевать репутацию «крутого парня». И можно ли это лечить при помощи транквилизаторов и стандартной психотерапии? В нашем распоряжении нет «физиологии расстроенного мозга», а такие явления как экзистенциальный страх и новомодные преступления не вписываются в рамки обычных психологических или фрейдистских категорий. Мы можем только говорить о том, что данные нарушения являются следствием краха системы ценностей, утраты жизненной цели и духовной ориентации — т.е. что всё это берёт начало в некоей третьей реальности, не материальной и не духовной.

Как представляется, нам удалось показать, что данная тема не является чисто академической; это не площадка для абстрактных рассуждений; она тесно связана с наиболее важными проблемами нашего времени и общества — и в частности, с проблемами психиатрии. Обсуждение проблемы требует гораздо более обширного изложения; в данной работе мы смогли только указать на ряд проблем и наметить возможные пути их дальнейшего развития.

Выводы и заключение

Новый подход к проблеме духовного и телесного должен, во-первых, учитывать последние достижения в области биологии, возрастной психологии, культурной антропологии, лингвистики, психопатологии, теоретической физики и т.д. Во-вторых, необходимо принять во внимание те достижения современной физики и биологии, которые показывают, что проблемы,

ранее считавшиеся эпистемологическими, философскими или метафизическими (например, проблемы пространства, времени, причинности, целостности, направленности и т.д.) всё чаще становятся предметом эмпирического исследования. Всё это относится и к проблеме души и тела.

Данная проблема затрагивает два уровня: уровень непосредственного опыта и уровень научных понятий. В непосредственном опыте (интроспекции) антитеза между эго и не-эго («материальные вещи») появилась в результате длительного процесса развития, биологического, если речь идет об эволюции человека, психологического, если дело касается детской психологии, и культурного — если говорить о человеческой истории. Это не самоочевидная категория, это и не априорная данность для каждого человека или рационального существа. Другие формы сознательного, такие как пиковое переживание в моменты наиболее сильного эмоционального подъема, в искусстве, в мистицизме и т.д. не могут быть исключены из рассмотрения и не должны считаться примитивными формами, предшествующими так называемому объективному миропониманию среднестатистического западного человека двадцатого века; они по праву могут считаться иными формами познания.

В науке антитеза «материи» и «сознания» является концептуализированной характеристикой механистической модели физического мировоззрения. «Сознание» и «материя» — это материализованные концептуализации, которые с развитием современной науки становятся всё более неадекватными. Современная физика отказалась от понятия «материи» в классическом смысле. Подобным образом, понятие «сознания» — материализация того, что в действительности является динамическим процессом, это понятие уже не отвечает требованиям современной науки, что было показано на примере понятия бессознательного, которое не уместится в рамки картезианского дуализма.

И физика, включая нейрофизиологию, и психология, включая бессознательные процессы, — это теоретические построения, имеющие целью объяснить, предсказать и проконтролировать наблюдаемые явления; с последними они связаны только длинной цепочкой логических рассуждений. Обе они постепенно деантропоморфизировались, т.е. постепенно исчезали качества, характерные для человеческого опыта и окружающего мира. В конечном счете, остаются концептуальные модели и связи, служащие целям объяснения, предсказания и контроля. Этот процесс получил широкое распространение в физике, и сейчас наблюдается его начало в психологии.

Новый подход к проблеме духовного и телесного позволяет предложить рабочую гипотезу, которая

должна привести к новым открытиям и иметь положительные последствия для теоретической психологии и психиатрии. Унификация обеих концептуальных систем — нейрофизиологии и психологии — представляется возможной благодаря использованию моделей, одинаково нейтральных в отношении обеих наук, но относящихся и к той, и к другой. Такая разработка уже предпринимается.

Необходимо постулировать для нейрофизиологии и психологии, что понятия этих наук до некоторой степени изоморфны. Подобный изоморфизм не нуждается в простом сходстве нейрофизиологических и психологических актов; понятие кодирования указывает на изоморфизм без какого-либо прямого сходства или подобия.

Новый подход к проблеме духовного и телесного ведёт к более реалистической модели психофизиче-

ского организма; он исправляет традиционную модель «стимул-реакция» и автоматическую модель нейрофизиологии и психологии.

Классический дуализм упускает из виду как раз ту сферу, которая специфична для человеческого поведения в отличие от поведения и психологии животных, он не принимает во внимание специфичность человеческой психологии, выражающуюся в области культуры, символов, ценностей и т.д., которая не является ни физической, ни духовной, и которая подчиняется своим собственным автономным законам. Фундаментальная психология, так же как и клиническая, должны признать эту область, так как именно она составляет сферу специфически человеческого поведения. В этом случае от правильного понимания данного факта можно надеяться на достижение новых успехов и в той, и в другой области.

Список литературы:

1. Maslow A.H. Cognition of being in the peak-experiences // J. Genetic Psychol. 94:43, 1959.
2. Maslow A. The creative attitude // The Structuralist 3:4, 1963.
3. Von Bertalanffy L. An essay on the relativity of categories // Philosophy of Science 22:243, 1955.
4. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. 2 vols. (ed. 82). C. H. Beck, Munich, 1929.
5. Von Bertalanffy L. General system theory. A critical review // General Systems, Yrbk. Soc. General Systems Res., 7:1, 1962.
6. Von Bertalanffy L. Some biological considerations on the problem of mental illness // Bull. Menninger Clin. 23:41, 1959.
7. Von Bertalanffy L. Problems of Life, An Evaluation of Modern Biological Thought, Wiley: N.Y., 1952.
8. Torchbook edition, Harper: New York, 1960, pp.114-122.
9. Hebb D. Drives and the CNS (conceptual nervous system) // Psychol. Rev. 62:243, 1955.

References (transliteration):

1. Maslow A.H. Cognition of being in the peak-experiences // J. Genetic Psychol. 94:43, 1959.
2. Maslow A. The creative attitude // The Structuralist 3:4, 1963.
3. Von Bertalanffy L. An essay on the relativity of categories // Philosophy of Science 22:243, 1955.
4. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. 2 vols. (ed. 82). C. H. Beck, Munich, 1929.
5. Von Bertalanffy L. General system theory. A critical review // General Systems, Yrbk. Soc. General Systems Res., 7:1, 1962.
6. Von Bertalanffy L. Some biological considerations on the problem of mental illness // Bull. Menninger Clin. 23:41, 1959.
7. Von Bertalanffy L. Problems of Life, An Evaluation of Modern Biological Thought, Wiley: N.Y., 1952.
8. Torchbook edition, Harper: New York, 1960, pp.114-122.
9. Hebb D. Drives and the CNS (conceptual nervous system) // Psychol. Rev. 62:243, 1955.